

«ЧЕЛОВЕК ИГРАЮЩИЙ» В РОЛИ ТВОРЦА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Предпринимается попытка определить человека как существо, играющее символами. Человек приобретает уникальную способность – придавать символическое значение окружающему его бытию и в связи с этим символически поступать. Символ выступает исходным элементом культуры и определяющим признаком человечества. Но к символам человек относится, творчески играя – он создает их, наделяет значением, интерпретирует и понимает.

Ключевые слова: animal symbolicum; homo ludens; символ; игра; интерпретация.

Человек представляет собой нечто уникальное, сложное, многообразное и обширное, что все его дефиниции нельзя считать удачными. Классическое определение человека как *animal rationale* представляется односторонним и неудовлетворительным. Рациональность, будучи одной из наиболее существенных черт человеческой природы, отнюдь не исчерпывает ее в целом. Человеку не в меньшей степени присуща иррациональность: наряду с интеллектуальными формами деятельности он проявляет потенции, которые никак не схватываются с рациональной точки зрения. Таковы формы мифа, искусства, религии, отчасти языка, и поэтому разум выступает неадекватным термином для понимания разнообразных форм человеческой культурной жизни. В связи с этим ответ Сократа на вопрос о человеческой природе является верным: он считал, что изучать человека тем же путем, каким изучают физические предметы, невозможно. Физические вещи можно описать и определить в терминах их объективных свойств, а человека – только в терминах его души. По Сократу, именно в душе заключена природа человека и способность к осознанию себя как самостоятельно думающего и действующего субъекта. Поэтому природа человека состоит в выработке собственного отношения ко всему внешнему, в определенной оценке того, что приходит извне, и самого себя. Главной частью души является разум, которому противостоят страсти, или аффекты, влекущие человека к неумеренности, чрезмерности и, тем самым, разрушающие его равновесие. Разум есть источник того, что Сократ называет «самообладанием», т.е. властью над стихийно-жизненными порывами. В силу этого обстоятельства свободен только тот, кто умеет управлять страстями и их ограничивать.

Неудовлетворительна и аристотелевская дефиниция человека как «общественного животного», ибо социальность не является исключительной характеристикой человека: его функциональный круг гораздо шире.

Специалисты разных областей науки (биологи, психологи, этнологи, философы, политологи, социологи, экономисты и др.) подходили к проблеме дефиниции человека с собственных точек зрения. Каждое научное мировоззрение, пытавшееся определить единство и однородность человеческой природы, было обречено на логическую ошибку «часть вместо целого», сводя сущность человека к тем или иным ее проявлениям. На сегодняшний день синтезировать все эти частные аспекты и перспективы нет никакой возможности, и в этом обнаруживает себя кризис человеческого самопознания. Тем не менее попытаемся раскрыть еще одну грань природы человека, связанную с символизмом мышления и игровой стихией, пронизывающей его.

Согласно Э. Кассиреру, человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде – символическую систему, что целиком преобразовало всю его жизнь [1]. Человек живет не просто в более широкой реальности – он живет в ее новом измерении. Существует несомненное различие между органическими реакциями и человеческими ответами: если в первом случае на внешний стимул дается прямой и непосредственный ответ, то во втором ответ задерживается из-за медленного и сложного процесса мышления. Человек не может избавиться от своего приобретения и начинает жить не только в физическом, но и в символическом универсуме. Частями этого универсума выступают язык, миф, религия, искусство, наука и др. Все это – различные культурные формы, из которых сплетается, усложняясь, символическая сеть человеческого опыта. Физическая реальность начинает отдаляться по мере того, как растет символическая деятельность человека. Вследствие этого человек не противостоит реальности непосредственно, а вместо того чтобы обратиться к самим вещам, он постоянно обращен на самого себя. Человек начинает жить среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез. Он погружается в лингвистические формы, научные формулы, художественные образы, мифологические символы или религиозные ритуалы, которые понимает благодаря искусственному посреднику. Заметим, так обстоят дела и в теоретической сфере, и в практической. С этой точки зрения можно уточнить и расширить классическое определение человека, называя его *animal symbolicum* (символическое животное). Благодаря этой дефиниции выделяется специфическое отличие человека и его цивилизации. Впоследствии Ю.М. Лотман, характеризуя бытие человека, назвал его семиосферой, понимая под ней семиотический континуум, обволакивающий человеческое сообщество [2. Т. 1. С 191–199].

Определения человека как символического животного нашли свое продолжение (например, в концепциях Л. Уайта, С. Лангер и др.). Человеческий мозг, по Л. Уайту, имеет уникальную способность: придавать символическое значение предметам, действиям, текстам, идеям, а также поступать символически, благодаря развитию нервной системы. Символ выступает исходным элементом всего человеческого поведения и цивилизации, определяющим признаком человечества. Символизация информации позволила человеку соединить несоединимое в природе – мышление и порядок. Суть способности человека к символизму Л. Уайт определял как умение абстрактно и произвольно составлять представления, наделять вещи и события реального мира значениями, которыми они

нередко объективно не обладают, а также возможность понимать эти значения [3].

С. Лангер утверждает, что человеческое мышление на всех его уровнях представляет собой символический процесс. Символизм – это ключ к пониманию умственной жизни, которая находится выше уровня животного и принадлежит человеку. Символ и значение создают человеческий мир. Приобретение символического мышления, подчеркивает С. Лангер, считается величайшей вехой в истории и начальной точкой интеллектуального роста [4].

Таким образом, можно утверждать, что символизм, а значит, символическое мышление и поведение, выступают одними из характерных черт человеческой жизни, на которых основан весь прогресс бытия человека и его культуры.

В чем же различие символической установки человека от способов поведения в животном мире?

Эксперименты показали, что символические процессы у животных редки и труднонаблюдаемы, а то, что у них есть, выступает предшественником символических процессов у человека. В связи с этим Э. Кассирер совершенно справедливо выдвигает требование различия знаков и символов. Он считает очевидным фактом то, что в животном поведении обнаруживаются сложные системы знаков и сигналов. Так, собака может реагировать на малейшие изменения в поведении хозяина, выражении его лица и на перемены в голосе. Но подобное поведение еще далеко до понимания символов в человеческой речи. Знаменитые опыты И.П. Павлова показали, что животные могут быть обучены отвечать не только на прямые, но и на всякого рода опосредующие стимулы. Звонок, например, может стать «знаком обеда», а дрессированное животное не прикоснется к пище, пока нет этого знака. Но данные явления, называемые условными рефlekсами, прямо противоположны существенным чертам символической мысли человека.

Символы нельзя свести только к знакам, так как знаки и символы принадлежат двум различным универсалам дискурса. Если знак представляет собой часть мира физического бытия, обладающий физическим или субстанциональным бытием, то символ – часть человеческого мира значений, имеющий функциональную значимость. Об этом справедливо писал А.Ф. Лосев: «Символ вещи есть ее отражение, однако не пассивное, не мертвое, а такое, которое несет в себе силу и мощь самой же действительности, поскольку однажды полученное отражение перерабатывается в сознании, анализируется в мысли, очищается от всего случайного и несущественного и доходит до отражения уже не просто чувственной поверхности вещей, но их внутренней закономерности. В этом смысле и надо понимать, что символ вещи порождает вещь» [5. С. 328].

Таким образом, всякий знак, как и символ, является смысловым отражением вещи, но далеко не всякий знак модельно порождает вещь. Это значит, что символ всегда есть знак в аспекте своей морфемы (формы), но не всякий знак есть символ в отношении наличия метаморфемы (содержания, смысла). Необходимо заметить, иногда знак может стать символом. Например, число 666 в математике есть только знак, но в религи-

озном контексте оно становится мощным символом. То есть символ есть потенция знака, которая может в нем актуализироваться.

Человек творчески подходит к символам: создает их, наделяет значением, интерпретирует, стараясь понять. Этот процесс является игровым, ввиду того что любое творчество есть игра. Вся человеческая жизнь наполнена играми, а сама игра экзистенциально задана человеку. Но определяя человека как животное символическое, Э. Кассирер и последователи его идей не выделяют игровой потенциал и тем более не выносят в дефиницию. Этот пробел компенсируют работы других философов, занимавшихся проблемами игры в бытии человека. Так, Е. Финк предупреждает, что человека надо называть не только *homo politicus* или *homo faber*, но и вслед за Й. Хейзингой *homo ludens*.

Феномен игры охватывает собою всю человеческую жизнь от начала до конца и существенным образом определяет ее бытийный склад: «играть может только человек», «игра есть исключительная возможность человеческого бытия», «человек как человек есть игрок», при этом «всякий игрок играет прежде всего самим собой, принимая на себя определенную смысловую функцию» [6. С. 360, 366]. Игра – первичный элемент человеческой активности, благодаря которому происходит становление и развитие человека, организуется жизнь на уровне всеобщих прототипов социального поведения и действия. Человеческое сообщество с глубокой древности постоянно экспериментирует на игровом поле, а в социальной практике, благодаря игре, человек испытывает свои возможности, тем самым постигая самого себя и расширяя горизонты собственного бытия. Без игр просто невозможно полноценное существование индивида. Игровые практики придают человеческой жизни особый привкус, связанный с удовольствием, безудержной радостью, азартом, тем самым значительно снижая чувство тревожности, абсурдности и даже трагичности. Игра «заряжает» человека своим динамизмом и энергией, в том числе духовной. В игре проявляется одна из фундаментальных способностей человека – открыться миру возможного, попробовать новое и примерить на себя, рискнуть на эксперимент с самим собой, поверить в мечту и воплотить ее в жизнь. В игре человек стремится к некоему идеалу, совершенству, гармонии, что делает его человеком завершаемым, обретающим и понимающим свою сущность. В игре человек становится «открытым» происходящему действию: он снимает свою «броню», освобождается от сковывающего его страха, обнажая самое сокровенное. Жизнь человека раскрывает и обретает себя в игре, выступающей своеобразным видимо-невидимым механизмом (подобно виртуальному миру), приводящим в движение инертную материю.

Значение слова «игра» бесконечно разнообразно: «играют блики солнца», «играет волна», «судьба играет человеком», «играют цены на рынке», «художник играет оттенками цвета», «актеры играют на сцене», «ребенок играет в песочнице», «слово (фраза) играет своими значениями». Часто игра выступает в роли метафоры, рождая иллюзию действительного и создавая творческий, эвристический намек на существующую реальность. Благодаря этому образ превращается в символ.

Игровая метафора обозначает ритмическое повторение какого-либо движения, не связанного с определенной целью, некую бесконечно воспроизводящую себя активность. Через метафоры игра играет сознанием и поведением человека. Внутри игры можно условно выделить два накладывающихся друг на друга пространства: «видимое» (поле вещей, предметов) и «невидимое, сокрытое» (поле смыслов). Игроки погружены в игровое смысловое поле, наполняя новой культурно-символической нагрузкой обычное поле вещей. Подобная черта, связанная с игрой, неслучайна: она изначально присуща человеку. Еще Ф. Шиллер обратил внимание на имманентно присущую человеку потребность наслаждаться видимостью, причем созидать последнюю таким образом, чтобы она превосходила действительность, являлась более совершенной, изящной и эмоционально богатой, чем окружающий мир. В связи с этим Ф. Шиллер утверждал: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [7. С. 241].

Потребность жизни в вымышленном мире – одна из важнейших ипостасей игры. Таким образом, в игре происходит выход из видимого мира в мир метафор, знаков и символов, а через него – в семиотическое культурное пространство.

Игра всегда несет в себе определенный творческий заряд, а творческая функция выступает как одна из черт человеческого бытия. Так, Э. Кассирер справедливо замечает, что «человек не растворяется в массе внешних впечатлений, а укрощает эту массу, придавая ей определенную форму, происходящую в конце концов из него самого, из думающего, чувствующего, желающего субъекта» [8. С. 169]. То, что человек способен на творчество, составляет еще одно отличительное свойство: лишь человек среди всех существ способен к формотворчеству, в результате которого осуществляется объективация, самосозерцание. Оно проявляется в первых звуках языка, развивается, становясь богаче и разнообразнее, в поэзии, изобразительном искусстве, религиозно-мифологических воззрениях, философско-научных понятиях и концепциях.

Любое творчество есть игра с системой знаков и символов. Человек-творец играет в свое искусство: такая игра возникает в результате появления нового символа и его содержания не на основе существующей нормы, а случайных, спонтанных, нередко бессознательных, сочетаний несочетаемого, видения общеизвестного в ином, оригинальном ракурсе. При создании нового символа активно подключаются воображение и фантазия творца: они действуют без плана и цели, соединяя по своему произволу далекие вещи, что приводит к появлению новых фигур, наполненных смыслом. Воображение и фантазия осуществляют игру природными и социокультурными феноменами, придавая им новое качественное измерение. Впоследствии более удачный эксперимент становится нормой, тем самым обогащая имеющийся словарь символов. Таким образом, творческий процесс изобретения символов связан с игрой воображения и фантазии автора.

Символ всегда существует в поле интерпретаций, и проинтерпретировать его можно бесчисленное число раз. В этом процессе также заявляет о себе человек играющий. Интерпретация символа представляет собой

бесконечный игровой процесс, в котором от самого символа переходят к скрытым в нем кодам и на их основе – к более верному прочтению символа и снова к кодам и подкодам, но уже современности, а от них – к непрестанному сравнению и сопоставлению разных прочтений. В результате интерпретатор получает колоссальное игровое наслаждение, удовольствие от многоголикости, многомерности, многосмысленности открывающейся картины. Эти чувства связаны не только с тем, что может быть удалось приблизиться к первоначальному коду-замыслу автора, а возможность преобразовать собственный первоначальный код. Всякая интерпретация символа, заполняя новыми значениями «открытую форму» (по У. Эко) первоначального сообщения, не изменяющуюся в течение веков, дает начало новым сообщениям, которые призваны обогащать коды-символы, перестраивая их и подготавливая почву завтрашним интерпретаторам для нового прочтения значения. Определяя этот непрерывный процесс обновления, анализируя различные его фазы, человек как существо, играющее символами, не в состоянии предсказать те конкретные формы, в которые он выльется.

В результате интерпретации символа и связанного с ним текста необходимо учитывать множество факторов: историческую среду; реальные отношения и обстоятельства; представления, намерения, чувства сообщаемого, вызываемые содержанием текста; воспроизведение в целостности внутренних связей; интеллектуальный «горизонт» интерпретатора; многозначность слов; зависимость от контекста и смысла; личные особенности автора и интерпретатора. С одной стороны, в результате интерпретации человек опирается на принятые в обществе шаблоны, клише; с другой – он конструирует из себя весь мир и мерит его со своей точки зрения. Интерпретатор приписывает объектам понимания смысл, который он черпает из собственных знаний, опыта и внутреннего мира одновременно. Необходимо помнить о существовании временной дистанции между текстом и интерпретатором, что также может задавать новые смыслы сообщениям автора. Дело в том, что встреча с прошлым позволяет пересмотреть наши убеждения в процессе интерпретации. При этом происходит тесное единение временных измерений – прошлого, настоящего и будущего, что влечет за собой одновременность существования эпох, стилей, человечества. Вся совокупность компонентов и их игровое взаимодействие между собой дает возможность для существования множества интерпретаций, подобно тому, как сама действительность открыта для бесконечных толкований.

Дать исчерпывающий перечень явлений, живых существ и предметов, выступающих в качестве символов, невозможно. В роли символов могут фигурировать части земной поверхности, животные, растения, люди, цифры, скульптурные изображения, здания, мистические существа, запахи, цвета, вода, напитки, религиозные и магические знаки, атрибуты государственной власти, а также ритуалы и отдельные действия, например вспахивание земли.

Приведем примеры интерпретации символов. Так, квадрат относится к числу одних из распространенных символов, наделенных множеством значений. Благодаря четкой геометрической форме квадрат обозначает

число 4, равенство, порядок, простоту, прямоту, мудрость. Квадрат, олицетворяя образ мира, с древности определял форму поселения как «малого мира», а также служил моделью для храмовых построек (пирамиды, пагоды, зиккурата, церкви). Помимо этого квадратная структура, особенно в рамках мифологического мышления, использовалась для описания пространства (четыре стороны света), для обозначения времени (4 части суток, 4 времени года, 4 человеческих возраста), для классификации социума (4 варны, касты в древней Индии, 4 ранга в древнем Китае). Также квадратная схема совмещает в себе классификацию бинарных противопоставлений бытия, образующих устойчивую целостную структуру: верх – низ – правое – левое, огонь – вода – земля – воздух. Интерпретация смысла этого символа зависит от контекста использования.

Рассмотрим еще один наиболее часто встречаемый в мифах и искусстве народов мира символ и его значение – быка. В русской народной традиции бык был особо почитаемым животным, основой скотоводческого хозяйства, воплощением силы и опорой земли. Бык известен и как жертвенное животное. Когда на праздник в Ильин день собиралась мужская скотоводческая братчина, закалывали специально откормленного всей общиной быка: само животное съедали, а его кости сохраняли как амулеты, считая, что они приносят удачу. Также быки (или туры) на Руси олицетворяли мужскую воинскую силу и посвящались Перуну.

Академик Б.А. Рыбаков в работе «Язычество Древней Руси» описывает ритуальные игры – «турицы»: парни наряжались быками и старались боднуть девушек в «непотребное» место. Эта игра указывает на ярую, связанную с плодотворностью, роль быка [9].

Подобное почитание быка можно обнаружить и у других народов. На Крите существовали ритуальные игры – сражения с быком. При этом имеются изображения праздника, где люди стоят в бычьих масках. У древних греков бык был связан с символикой Громовержца: вспомним, что в греческих мифах Зевс обратился в быка, чтобы похитить красавицу Европу. Во время древнегреческого праздника Буффоний убивали быка, съевшего жертвенный хлеб. Римляне своему Богу Грозы – Юпитеру – приносили в жертву быка, а сам Юпитер иногда изображался как бык. В зороастрийской мифологии бог Митра убивает быка, и это один из его основных подвигов. Все эти обряды жертвенности быка связаны с древнейшими представлениями о сезонной смерти и возрождении громовержца, а также с обрядом ритуального состязания и последующего принесения в жертву священного животного (в данных случаях быка). К примеру, в Испании до сих пор проводят корриду, являющуюся отголоском древних игр и жертвоприношений.

Однако символика быка не так проста. Так, в Индии бык олицетворяет космическое начало. Считалось, что голова быка и его рога отгоняют нечистую силу. Обычай пить из бычьих рогов на Руси и Кавказе символизирует древнюю охранительную магию, оберег от яда и всякого проявления зла.

Помимо этого бык связан с лунными богами. Известно, что в древнеиранской и древнеиндийской традициях бык – образ лунного божества. В иранской мифологии месяц называют «имеющим семя быка», в

Шумере и Аккаде Бог Луны Син изображался в облике синевородого быка.

Символы не только многозначны, но порой и противоречивы: они включают в себя полярные понятия и ценности, например, добро и зло, жизнь и смерть. Так, змея в мифах, искусстве, а также психотерапевтической практике толкования сновидений выступает символом бессознательного, инстинктивного уровня человека, а также мудрости, бессмертия (поскольку сбрасывает кожу) и считается символом души, которая есть залог жизни после жизни. Змея воплощает также потусторонний мир, поскольку встречается в подземных пещерах и на болоте. Способность к внезапной атаке и таящаяся в змее смертельная опасность сделали ее символом страха. Таким образом, змея воплощает собой противоречивость земного существования. Ее целование во время древних ритуалов символизирует победу над инстинктами и страхами.

Отметим, что змея связывается с землей – богиней-матерью, поэтому в наиболее архаических культурах богиня-прародительница имеет змеиный облик. Например, у народа майя верховная богиня представлялась в виде женщины со звериными лапами и змеей на голове. Древнемексиканская богиня-мать Чуакоатль изображалась с ребенком на руках и считалась «женой змея». Богиня Коатликуэ (заметим, ее имя содержит слово «коатль», означающее «змея») сочетала в себе человеческие и зооморфные черты: голова богини представляла собой две змеиные головы, ее пальцы изображались в виде змеиных голов с клыками, а на ногах были огромные когти, ее юбка сплетена из змей. В целом змеи повсеместно олицетворяют собой плодородие земли и различные женские черты (в том числе, изворотливость, пластичность, коварство, агрессивность).

В Риме существовал обряд кормления девушками змеи, что напрямую было связано с плодородием года: принятие змеей корма символизировало оплодотворение девушки, которое должно было оказать магическое влияние на урожай и общее изобилие. Сама символика связывалась с сезонным возрождением и умиранием природы, а также с женскими жреческими посвящениями, культом брака и любви. Помимо этого данный обряд использовался и при инициации. Здесь кормление змеи проводилось для проверки девственности испытуемой: поглощение змеей предлагаемой еды доказывало невинность девушки.

У скифов и славян связь женщин и змей также носила культовый сакральный характер. Так, легенда гласит о происхождении скифов от полуженщины-полужмеи. Повсеместный культ змей у славян был связан с плодородием. Кроме этого, одним из основных оберегов у русских вплоть до XIX в. был медальон «змеевик», на котором изображались змея и женщина. Символ змеи дошел до наших дней (например, он изображен на мексиканском флаге, периодически о нем вспоминают в тенденциях моды, используя как элемент одежды или аксессуара, воплощающий женское начало).

Таким образом, человеческую культуру образуют различные виды творческой деятельности, которые развиваются своими путями, преследуя собственные цели. Всякая культура творит определенные духовные образно-символические миры, поэтому нет бытия вне мышления и символ – основа бытия.

Символ есть творческая энергия и стимул духовной жизни человека, несущий в себе многомерность смыслов и открывающий новые пути в неданное. Символ выражает сложную логическую связь, где есть неразличимое тождество общего и особенного, идеального и реального, бесконечного и конечного. Познавательная деятельность человека представляет собой творческую функцию сознания, оперирующего в виде игры конструктами символов и их значениями.

Любой текст (религиозный, художественный, научный и др.), благодаря символу, открыт для множества интерпретаций смыслов, существующих в системе социальных коммуникаций. Символ предстает для человека, воспринимающего его, в единстве буквальных и скрытых, явных и неявных значений и смыслов, которые, как в калейдоскопе, находятся каждый раз в новых конфигурациях. Процесс интерпретации символа развивается на рубеже слияния сознаний двух субъектов – как диалог между автором и интерпретатором. Посредством этого диалога происходит рождение нового смысла, способствующего продолжению жизни текста и укоренению традиции. Самое главное для человека, воспринимающего символ, – понять и интерпретировать его смысл.

Интерпретация символов есть сложный игровой процесс, включающий в себя взаимодействие множества компонентов, способствующих пониманию смысла. Человек с помощью интерпретации может бесконечно расширять свое представление о мире.

Мир символов не дан человеку в качестве готового и предсуществующего материала, когда-то и кем-то созданного. Мир символов задан, загадан человеку как бесконечная и вечная игра. Человек, даже на гранях соприкосновения с животным и растительным миром, остается «символическим животным», оперирующим символами и их значениями, конструирующим мир в символических образах благодаря созерцательной, порождающей, творческой силе. Человек – художник-творец; кем бы он ни был и чем бы он ни занимался, в любой сфере он – **существо, играющее символами**. Данная дефиниция более широко представляет человека, подразумевая следующие аспекты:

– человек, играя, творит символическую вселенную, состоящую из различных символических форм (наука, язык, искусство, религия и др.);

– человек в своем бытии умело оперирует и лавирует между символическими формами и, переходя из одной формы в другую, сознательно меняет свои игровые маски и коды дешифровки;

– человек как существо творческое постоянно создает символы и наделяет их смыслами;

– символы составляют основу различных символических форм;

– символ несет в себе множество значений, что дает возможность интеллектуальной творческой игре их смыслами и интерпретациями в зависимости от контекста;

– в игровой символической стихии раскрывается сущность человека и происходит постижение самого себя;

– с помощью символов человек получает возможность выхода из видимого мира вещей и явлений в невидимый мир символических значений, смыслов (своеобразный сверхмир), что помогает ему ориентироваться в окружающем и наделяет даром прогнозировать (нередко даже предвосхищать) тенденции и события.

Каждая конкретная культурная эпоха определяется степенью своей открытости игре символами, мерой их интерпретации и понимания. Кассиреровский принцип «мы познаем не предметы... а предметно» раз и навсегда исключает возможность познания самого предмета. В переносе на антропологическую проблематику указанный принцип полностью сохраняет свое значение. Между человеком и миром не может быть никакой непосредственной связи. Человек, играя, творит мир посредством символов, и этим кругом очерчивается миссия его жизни. Он – узник мира образов, сотворенных им самим, и всякая попытка выхождения за пределы этого мира квалифицируется как философская мистика.

Современная философия и наука не могут определить в-себе-бытие человеческой природы вне явлений, они не способны познать сущность человека вне культуры. Поэтому дефиниция сущности человека может быть только функциональной. Это значит: человека невозможно понять посредством какого-либо имманентного принципа, конституирующего его метафизическую сущность, ни тем более с помощью эмпирического рассмотрения тех или иных врожденных способностей. Сущность человека исчерпывается кругом его деяний, важнейшими составляющими которых являются язык, миф, религия, искусство, наука. Природа человека проявляется через деятельность его души в создании символов и символических форм, благодаря которым возникает новое измерение реальности. Главная черта и потребность человека – символизация деятельности и мышления. Поэтому бытие человека окружено семиотическим континуумом, а символотворческая игровая функция выступает как одна из первичных и базовых в бытии человека. С ее помощью человек открывается миру возможного и творит самого себя, определяя все бытие печатью человеческого смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 440–723.
2. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 191–199.
3. Уайт Л.А. Работы по культурологии. М., 1996.
4. Лангер С. Философия в новом ключе. М., 2000.
5. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1977. С. 328.
6. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 357–403.
7. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 6. С. 241.
8. Кассирер Э. Натуралистическое и гуманистическое обоснование философии культуры // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 155–182.
9. Рыбаков Б. Язычество Древней Руси // Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 146–246.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 октября 2010 г.